

литься на положительные или отрицательные локусы, на человеческие и нечеловеческие пространства в пределах единого пространства-времени, но в нем принципиально отсутствуют маргинальные пространства.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Горинова Н. В. Авторская позиция в драме А. Попова «Туналъм ордым» («Заколдованная тропа») // Современ. коми литература: проблематика, герой стиль: Тр. Ин-та языка, литературы и истории. Вып. 64. Сыктывкар, 2004.

Лимеров П. Ф. И. А. Куратов: лейтмотивы творчества: Науч. докл. Вып. 431. Сыктывкар, 2001.

Лимерова В. А. Без права на будущее: опыт смысловой интерпретации рассказа А. В. Ульянова «Сьбд ар» («Черная осень») // Современ. коми литература: проблематика, герой стиль: Тр. Ин-та языка, литературы и истории. Вып. 64. Сыктывкар, 2001.

Лихачев Д. С. Историческая поэтика древнерусской литературы. СПб., 2001.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Пави П. Словарь театра. М., 1991.

Попов А. В. Мыйсьма йӧз // Попов А. В. Мыйсьма йӧз. Повестьяс, висътьяс, пьесаяс. Сыктывкар, 1994.

Попов А. В. Туналъм ордым // Войвыв кодзув. 1997. № 8.

Статья поступила в редакцию 01.10.2007 г.

Г. В. Федюнева

О ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОМ КОМПОНЕНТЕ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются три спорных пермских этимологии: коми местоимения 3-го лица мн. ч. *näja*, диал. *n'ida, nïda, nida* («они») и форма генитива местоимений 1-го и 2-го лица мн. ч. *tïjan* («наш»), *tïjan* («ваш»). По мнению автора, они являются результатом контактного развития коми языка с прадиалектами прибалтийско-финских языков.

Контактное развитие прибалтийско-финских и пермских языков до сих пор не получило должного системного освещения, хотя изучение этого вопроса имеет давнюю историю [см., в частности: Жижева, 2002]. Наиболее последовательно изучена контактная лексика поздних коми-карело-вепских связей, однако прибалтийско-финско-пермские контакты не исчерпываются этими взаимоотношениями. Данные археологии и топонимики, свидетельствующие о сложных процессах этно- и лингвогенеза финно-угров на северных территориях, позволяют предполагать более древние и существенные результаты языкового взаимодействия, нежели простые заимствования, поддающиеся этимологизации средствами современных языков.

Наиболее последовательно эта мысль прослеживается в работах А.-Р. Хаузенберг, которая в результате исследования контактной лексики прибалтийско-финс-

ких и пермских языков с учетом данных археологии и топонимики пришла к очень значимым для реконструкции этих контактов выводам. Она подвергла критическому анализу общепринятое положение о том, что наиболее ранними контактами коми с прибалтийско-финскими племенами были контакты с так называемой *з а - в о л о ц к о й ч у д ь ю*, которая состояла в основном из племен вепсов и отчасти карел. По этой версии встреча вепско-карельских племен с коми произошла в X—XI вв., когда они проникли в Северо-Восточную Европу, а коми начали заселять бассейны Вычегды, Выми, Сысолы, Лузы и Мезени. Однако археологические данные свидетельствуют о том, что предки пермских народов заселяли обширные просторы северной тайги еще в I тысячелетии до н. э. Этот регион не был един в языковом отношении, поскольку расселение в прошлом происходило многими этническими группами финно-угров, языковые различия которых не препятствовали общению, а сходный образ жизни способствовал смешению и ассимиляции близкими по языку племенами [см.: Хаузенберг, 1999, 2002; и др.].

По мнению А.-Р. Хаузенберг, предки коми в прошлом имели рассеянное расселение в континууме родственных финно-угорских языков и диалектов. Об этом свидетельствует анализ контактной лексики, в которой обнаруживаются разные по времени слои. Региональные слова также не всегда определяются как карело-вепские: в северо-западных и юго-западных диалектах они могут иметь разное происхождение. Даже в одном удорском диалекте слова, имеющие отношение к прибалтийско-финским языкам, указывают на различные источники [см.: Hausenberg, 1985].

О существовании в прошлом некоего этноязыкового континуума говорит также этноним «чудь», широко представленный в топонимии, исторических и фольклорных источниках. Он не соотносится непосредственно ни с каким из ныне существующих народов. Более того, некоторые из предшествующих русским племен отличали себя от чуди, и средневековое русское население Севера различало чудь и лопь, чудь и карел и т. п. [см.: Матвеев, 2004]. Логично предположить, что в лингвистической непрерывности существовали какие-то переходные племена, объединявшие носителей западных и восточных родственных языков. Позже континуум прервался, некоторые племена вымерли или были ассимилированы, однако следы былых контактов, инноваций, связывавших прибалтийско-финские и пермские языки в прошлом, могут сохраняться в их диалектах [см.: Hausenberg, 1983, 25; Хаузенберг, 2001, 281].

К сожалению, имеющийся на данный момент лингвистический материал не позволяет реконструировать историческую ситуацию в полном объеме, однако уже имеющиеся факты доказывают правомерность приведенных взглядов и дают простор для дальнейших исследований в этом направлении.

Свидетельства контактно-конвергентного развития прибалтийско-финских и коми языков пока не носят системного характера, однако они обладают доказательной силой, поскольку касаются глубинных структур языка и не могут быть объяснены поздним заимствованием. К таковым относятся: 1) поразительная близость *m*-вых отглагольных имен коми языка к прибалтийско-финским инфини-

тивам [см.: Дубровина, 1985]; 2) функционально-семантическая близость коми падежей (например, аблатива, элатива и датива) к прибалтийско-финским и мордовским падежам, в отличие от удмуртских, которые почти тождественны с марийскими [Некрасова, 2002, 73, 103]; 3) наличие *n*-вого финно-пермского местоимения в коми языке и отсутствие его в удмуртском; 4) появление *s*-вого форманта в глаголах 3-го лица, которое проблематично объяснить как в южно-эстонских, так и в коми диалектах [см.: Hausenberg, 1995]; 5) порядок слов коми языка, который часто объясняется русским влиянием, возможно, «сохранил (или приобрел) прибалтийско-финские черты» [Хаузенберг, 2002, 307; см. также: Bartens, 2000, 213]; 6) согласование препозитивного прилагательного в удорском диалекте коми-зырянского языка является результатом западного влияния [см.: Сорвачева, 1952, 42; и др.].

• Среди приведенных фактов наиболее известным и убедительным свидетельством контактного развития коми языка с прадиалектами родственных языков является *n*-вая указательная основа, сохранившаяся в некоторых северо-западных диалектах коми-зырянского и в коми-пермяцком языке (например, ижемское *ena* ‘вот эти’ — *eni* ‘вон те’). Она считается инновацией финно-пермского периода, поскольку представлена в прибалтийско-финских, волжских и коми языках [UEW, 300]. Однако только в коми, марийском и южной группе прибалтийско-финских языков *n*-вая основа обособилась как личное местоимение 3-го лица мн. ч. (эст. *n(em)ad*, вод. *nämä*(D), лив. *ne*; мар. *nuno*, *ninə*; коми *naja*, *naje* ‘они’), что, по всей вероятности, является результатом конвергентного развития протодиалектов этих языков¹. Можно предположить, что в коми языке *n*-вая основа в качестве личного местоимения выделилась из финно-пермской оппозиции указательных местоимений **t-* — **n-* в контакте с южно-прибалтийскими и/или марийскими соответствиями, а затем была соотнесена с *s*-вым указательным местоимением, функционировавшим также в качестве местоимения 3-го лица ед. числа.

Указательные местоимения современных пермских языков существенно различаются, ср.: удм. *ta* / *taos* ↔ коми *taja*, *taje* / *tajajas*, *tajejas* ‘этот, эта, это’ / ‘эти’; удм. *so* ‘тот, та, то; он, она’ / *soos* ‘те; они’ ↔ коми *sija*, *sije* ‘тот, та, то; он, она’ / *sijajas*, *sijejas* ‘те’ / *naja*, *naje*, *nija* ‘они’. Основные расхождения сводятся к тому, что 1) в коми языке в качестве указательного и личного местоимения 3-го лица мн. числа выступает *n*-вая основа, отсутствующая в удмуртском и 2) указательные и указательно-личные местоимения в коми языке облигаторно суффиксированы, тогда как удмуртские местоимения суффиксов не имеют. Различительным признаком является также относительная стабильность удмуртских местоимений по сравнению с обилием вариативных форм в коми диалектах (здесь приведены только основные).

¹ «Местоименные формы 3-го лица множественного числа в коми и удмуртском языках имеют различное происхождение. Очевидно, что коми язык в период формирования этой формы находился в одном ареале развития с марийским и южной группой прибалтийско-финских языков» [Хаузенберг, 1999, 160].

Сам факт образования числовых форм от разных основ указательных местоимений свидетельствует об относительно самостоятельном развитии пермских прото-диалектов в континууме родственных языков. Не менее показательно также формирование на базе *n*-вой указательной основы личного местоимения 3-го лица, которое несомненно проходило в контактной зоне коми и прибалтийско-финских праязыков.

Системное исследование пермских демонстративов [см.: Федюнева, 2007] привело нас к убеждению, что толчком к инновациям стало использование *n*-вого указательного местоимения в качестве местоимения 3-го лица мн. числа. Как известно, *n*-вая основа не имела выраженного плюрального значения и требовала дополнительной маркировки. В тех языках, где она получила распространение, значение множественности было подчеркнуто: в прибалтийско-финских языках в качестве маркера выступил стандартный суффикс мн. числа *-t* (*-d*), в волжских языках произошло удвоение основы. В коми местоимениях мы также имеем некий элемент *-ja*, *-je*, происхождение которого до сих пор не получило обстоятельного объяснения. Обычно его считают эмфатической частицей [см., например: Серебренников, 1963, 191, 199; КЭСК, 256; и др.], роль которой сводится к «усилению выразительности» [Лыткин, 1995, 52].

По нашему мнению, для формирования коми местоимений был также использован маркер плюральности, в качестве которого мог выступить финно-пермский суффикс совместной множественности *-*ja*, *-*jä*. В удмуртском языке следов такого суффикса не обнаружено, хотя некоторые исследователи реконструируют «в пермских языках древнейшей поры» несколько форм множественного числа, среди них и собирательное множественное число на *-a/-ja* [см.: Серебренников, 1963, 89]. Видимо, он функционировал в контактной зоне коми и прибалтийско-финских языков и был использован коми языком для усиления значения множественности *n*-вой основы. В прибалтийско-финских языках суффикс *-*ja*, *-*jä* представлен в основном в разряде личных местоимений, ср.: эст. *meie* ‘мы’ / *teie* ‘вы’ < **meijä* / **teijä*; фин. *meijä* ‘наша усадьба’ / *teijä* ‘ваша усадьба’ и др.², что отчасти объясняет тот факт, что местоимение *naja*, *naje*, *nija* ‘они’ является по существу личным, тогда как местоимение ед. числа *sija*, *sije* ‘тот, та, то; он, она’ — общеуказательным, а удмуртские *so* ‘тот, он’ — *soos* ‘те, они’ имеют собственно указательное значение. Таким образом, благодаря формированию местоимения 3-го лица мн. числа становление личных местоимений в коми языке продвинулось дальше, нежели в удмуртском. Как справедливо отмечает Р. Бартенс, во множественном числе коми язык различает личные и указательные местоимения: числовая оппозиция *s*- ~ *n*- имеется только у личных местоимений [Bartens, 2000, 163]. По аналогии взаимосвязанных форм суффикс *-ja* был перенесен в *н о м и н а т и в* местоимения единственного числа, которое до сих пор является указательным, а затем и в другие указательные местоимения: *naja* ‘они’ → *sija* ‘тот, он’ → *taja* ‘этот’ → *etaja* ‘вот этот’ и т. д.

² Возможно, к этому ряду относятся также южно-коми формы *mije* ‘мы’ / *tije* ‘вы’.

• Суффикс коллективной множественности *-*ja*, *-*jä*, функционировавший в системе личных местоимений коми и прибалтийско-финских прадиалектов, по нашему мнению, принял участие также в формировании коми генитива *mijan/tijan* 'наш' / 'ваш', который лег в основу падежной парадигмы множественного числа.

Происхождение генитива местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа «представляет одну из наиболее трудных проблем исторической морфологии пермских языков» [Серебренников, 1963, 194]. В коми и удмуртском языках эти формы существенно различаются: коми *mijan / tijan*, удм. *mil'am / til'ad* 'наш' / 'ваш', что не позволяет реконструировать общепермский архетип, несмотря на общность номинатива коми *mi / ti*, удм. *mi / ti* 'мы' / 'вы'. Многочисленные попытки объяснить эти расхождения в близкородственных языках не увенчались успехом: ни одна из выдвинутых гипотез не получила абсолютного признания. По наиболее распространенной версии в коми форме выделяются (?финно-пермский) суффикс *-ja* и некий суффиксальный элемент *-n*. Последний сравнивают с финно-угорским локативом, иногда с суффиксом множественности или уральским указательным местоимением **n* и др. В удмуртской форме также выделяются два элемента: **-l'* и **-am / *-ad*. Первый генетически связывается с суффиксом *l*-вых падежей или неким словообразовательным формантом, последние возводятся к лично-притяжательным суффиксам 1sg. и 2sg. В некоторых случаях различие в основах коми *mij- / tij-* и удм. *mil'- / til'-* объясняется фонетической корреляцией *-j ~ -l'*, имеющей место в пермских диалектах [см.: Серебренников, 1963, 194—198; Основы, 1976, 165; и др.].

По нашему мнению, парадигмы склонения местоимений множественного числа в пермских языках начали складываться достаточно поздно, уже в отдельной жизни коми и удмуртов, как и местоимение 3-го лица мн. числа. Об этом свидетельствуют примеры коми-пермяцкого языка, в которых местоимения ед. числа используются на месте мн. числа, вроде: *te munatę ni?* 'вы (букв. 'ты') уходите уже?'. Интересно также, что в окраинном коми-язьвинском диалекте формы мн. числа образуются от основы ед. числа с помощью позднего плюралного суффикса *-jęz*: *me* 'я' — *mejęz* 'мы' [Лыткин, 1961, 62]. В удмуртском языке различение местоимений 1-го и 2-го лица было более определенным за счет использования специального финно-угорского «личного» суффикса *-n* в единственном числе, ср.: удм. *mon / ton* ~ коми *me / te* 'я' / 'ты'. Анализ парадигм падежного словоизменения также свидетельствует об отдельном развитии: в коми языке местоимения склоняются по типу существительных без лично-притяжательных суффиксов, в удмуртском — по типу местоимений единственного числа с использованием лично-притяжательной суффиксации, ср., например: удм. генитив *mĭn-am* 'мой' — *mil'-am* 'наш', аблатив *mĭn-es'ĭm* 'у меня' — *mi-l'-es'ĭm* 'у нас', датив *mĭn-ĭm* 'мне' — *mil'-em* 'нам'; коми генитив *men-am* 'мой' — *mijan-len* 'наш', аблатив *men-s'ĭm* 'у меня' — *mijan-lis* 'у нас', датив *men-ĭm* 'мне' — *mijan-li* 'нам' и т. д.

Таким образом, в формах генитива коми *mijan / tijan*, удм. *mil'am / til'ad* 'наш' / 'ваш' следует искать разные элементы, а именно в удмуртской — суффикс с принадлежностным значением, в коми — со значением множественности.

В качестве последнего мог выступить тот же прибалтийско-финско-коми суффикс коллективной множественности *-ja*, который принял участие в формировании местоимения 3-го лица мн. числа. Однако сама форма *mijan / tjan*, по-видимому, не является собственно коми образованием. Она может быть отнесена к субстратной лексике прибалтийско-финского происхождения. На эту мысль наводят данные вепских диалектов, в которых различаются два разряда местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа: личные *m'ii* 'мы', *t'ii* 'вы', *h'ii* 'они' и так называемые коллективные местоимения *m'ija-* 'мы', *t'ija-* 'вы', *h'ija-* 'они', которые указывают на коллектив — семью, население деревни, группу родственников и т. д. В современных вепских диалектах коллективные местоимения употребляются только во внешнеместных падежах, однако в прошлом, по-видимому, парадигма была шире. М. М. Хмяляйнен отмечает, что коллективные местоимения *m'ija-* 'мы', *t'ija-* 'вы', *h'ija-* 'они' употребляются только в г е н и т и в е и во внешнеместных падежах и приводит пример: *m'ijan lapsed* 'дети нашего коллектива, семьи, дома, деревни и т. д.' [Хмяляйнен, 1966, 88]. Формы *mijan* 'наш' / *tijan* 'ваш' имеются также в памятнике карельской письменности — в переводе Евангелия от Матфея на карельский язык «Геррань мiянь Шюндюроухтынань Святой Ióвангели Матвьйста, карьялань кiельлья» (1920), зафиксированы в южно-карельских диалектах: *miän ota* 'наш', *tiän ota* 'ваш', *heän ota* 'их'.

В коми язык эта форма могла проникнуть в период формирования плюральной парадигмы: лакуна была просто заполнена готовой формой из родственного контактного языка, например, так: **mijan (pojka)* > коми *mijan (pi)* 'наш сын', тем более что усвоение ее облегчалось фонетической и функциональной близостью корневых элементов и общим суффиксом коллективной множественности *-ja*.

В отличие от коми, косвенные падежи в удмуртском языке образованы не от генитива, как принято считать [см.: Основы, 1974, 165], а от некоей основы *mil' / til'*, ср. *mil'-am* 'наш', *mil'-em* 'нам', *mil'-es'ijm* 'у нас' и т. д. На наш взгляд, удмуртские формы ближе к марийским, в которых также имеются «дополнительные звуки *-м* и *-н*, не относящиеся ни к падежным, ни к притяжательным суффиксам: *ме-м-на-н* 'наш', *те-н-да-н* 'ваш' [Галкин, 1964, 87—89].

• Местоимения 3-го лица мн. числа лл. *n'ida*, уд. *nĭda* 'они', кя. *nida*, зарегистрированные соответственно в лузско-летском и удорском диалектах коми-зырянского языка и коми-язьвинском наречии, могут служить примером разновременных региональных контактов, несомненно имевших место в широком пространстве коми диалектов.

Они выделяются прежде всего необычной формой, происхождение которой до сих пор не разъяснено. Исследователи обычно вычлениают корневую морфему *ni / nĭ*, сопоставимую с местоимением 3-го лица *najg, naja, nija* 'они' и «загадочный суффикс» *-da*, который сравнивают с эмфатической частицей *-δə* в марийском *ti-δə* 'он' [см.: Серебренников, 1963, 200; КЭСК, 193 и др.]. А. Р. Хаузенберг, отмечая западное влияние на формирование *n*-вых местоимений в коми языке, под вопросом сопоставляет элемент *-da* как с марийской частицей, так и с прибалтийско-финским плюральным суффиксом [Hausenberg, 1995, 181].

Однако, по нашему мнению, выделение суффиксального элемента в этих формах проблематично. Коми-язьвинская и удорская формы представлены только в номинативе наряду со стандартными *naja, nija, nijez* 'они', которые и образуют падежные формы по общему образцу от корня *na-* / *ni-* / *nĵ-*: *na-leŋ* 'у них', *na-lĵ* 'им', *na-s'an* 'от них' и т. д. Лузско-летское *n'ida* имеет полную парадигму склонения, хотя также выступает как нечленимое слово: *n'ida* 'они': *n'idaleŋ* 'у них (есть)', *n'idaliŋs* 'у них (взять)', *n'idale* 'им', *n'ideas* 'их', *n'idaen* 'ими' и т. д. В таком виде оно употребляется в функции определения и в послеложных конструкциях, тогда как в удорских и коми-язьвинских говорах в этой позиции обычно используются краткие основы, ср. лл. *n'ida dinö* 'к ним', *n'ida ordyn* 'у них', *n'idalön ponnyс nурс'ö* 'Их собака кусается', *n'idalыс' пылс'ансö ломти* 'Я затопил их баню' [Жилина, 1985, 68]; уд. *на керка дорын* 'возле их дома', *ныэслön керканыс зэв ыджыд* 'Их дом очень большой' [см.: Сорвачева, 1990, 57]; кя. *ни ладорө* 'в их сторону', *ни вөлөт* 'по ним' [см.: Лыткин, 1961, 62].

Своей нечленимостью эти местоимения скорее напоминают заимствования. Возможно, они проникли в коми говоры из контактных прибалтийско-финских языков в период формирования *n*-вого местоимения 3-го лица мн. числа, однако не в форме номинатива, а в партитиве, ср.: водское *niitä* 'этих, тех, их', вепское *niitä, niidä* 'тех', ливское *nenda*, эстонское *nende* 'этих, их' и т. д. Усвоение партитива, по-видимому, объясняется стремлением языка заполнить лауну личного местоимения, для чего больше подходит «определено-одушевленная» форма прямого объекта, нежели нейтральный номинатив. Ближайшим примером может служить верхнесыольский диалект коми-зырянского языка, в котором бытует русское местоимение 3-го лица ед. числа, заимствованное в форме аккузатива: *jeve, jeve* 'он, она' < рус. *его*. Оно имеет полнопарадигматическое падежное словоизменение, по типу очень близкое к прилузскому местоимению *n'ida*, и также ведет себя в послеложных конструкциях, ср.: *сiйа n'amöд туйын оло йэвö диньн* 'живя с ним, она терпит всяческие унижения' [см.: Жилина, 1975, 145]. Возможно, этим же процессом объясняется использование в номинативе форм *naje* 'они', *sije* 'он, тот' в двух коми-зырянских диалектах (и литературном языке), тогда как во всех других они являются формами аккузатива [Федюнева, 2007, 88—89]. Интересно также, что русское местоимение *тот* проникло в южные говоры коми-пермяцкого языка также в падежной форме: *too* < *tovo* < рус. *того*: *тоосö сет* 'дай вон то'.

Различия в огласовке лузско-летской и удорской форм (лл. *n'ida*, уд. *nĵda* 'они'), а главное, разное положение в системе коми местоимений позволяют говорить о разных по времени контактах и, возможно, с разными прибалтийско-финскими диалектами. Форма *n'ida* могла проникнуть в южные коми диалекты в финно-пермское время, когда «указательные местоимения уральского и финно-угорского периодов, начинающиеся на **n*-... путем супплетивности стали формами мн. числа соответствующих указательных местоимений, начинающихся на **t*- и **ć*-» [Основы, 1974, 433], а в некоторых прадиалектах началось формирование *n*-вого местоимения 3-го лица. Об этом свидетельствует полная грамматическая адаптация слова *n'ida* в качестве единственного собственнoличного местоимения

3-го лица мн. числа в лузско-летском диалекте. Удорское местоимение *nida* 'они', видимо, позднее карело-вепсское заимствование, поскольку представлено только в номинативе и функционирует наряду с обычной более распространенной формой *naja*. Не исключено также, что на Удору форма *nida* была «занесена» мигрантами из более южных коми регионов — Прилузья и Прикамья.

Эта гипотеза находит поддержку в работах по истории коми языка и топонимике. В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что в диалектном пространстве коми языков выделяются северо-западная и южная (юго-западная) диалектные зоны, которые в разной степени испытали влияние контактных языков и диалектов, а северо-западные диалекты во многом формировались мигрантами с юга [см.: Баталова 1982, 158; и др.]. К сожалению, топонимия Республики Коми не получила детальной стратификации, однако имеющиеся данные свидетельствуют о дисперсном присутствии прибалтийских финнов в бассейнах Лузы, Вычегды, Выми и Мезени. Как отмечает А. И. Туркин, прибалтийско-финский компонент является самым древним в топонимии Республики Коми, однако топонимы распределяются неравномерно. На территории Удоры, в говорах которой больше всего лексических заимствований из прибалтийско-финских языков, выявлен только один топоним этого происхождения. Больше всего прибалтийско-финских топонимов обнаружено в низовьях Вычегды и в бассейне Лузы [см.: Туркин 1985, 17]. По-видимому, это свидетельствует о более древних контактах южных коми и прибалтийских финнов на Нижней Вычегде и в Прилузье³.

Вопросы контактирования пермских языков в ранний период их формирования требуют более обширных исследований. Разумеется, рассмотренный нами материал местоимений слишком мал, чтобы делать далеко идущие выводы, однако и он показывает, что в дивергентном развитии пермских языков большое значение имели исторически одновременные контакты отдельных групп пермского языкового континуума с носителями разных родственных прадиалектов.

³ Дополнительным свидетельством может служить и тот факт, что именно в южных диалектах, а в лузско-летском как закономерность, склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа и образование послеложных конструкций происходит по прибалтийско-финскому типу, т. е. на основе генитива, а не номинатива, как в других коми языках и диалектах, например: лл. *vokjđ nač tejad kod'* вместо повс. *vokjđ nač te kod'* 'брат очень похож на тебя', букв. 'твой брат совсем как ты' [см. об этом: Федюнева, 2005, 28].

- Баталова Р. М.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. М., 1982.
- Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Ч. 1. Морфология. Йошкар-Ола, 1964.
- Дубровина З. М., Лудыкова В. М.* Некоторые черты исконного родства в синтаксисе прибалтийско-финских и пермских языков (м-овый инфинитив) // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 2. М., 1990.
- Жижева В. Е.* Освоение прибалтийско-финских заимствований коми языком. История изучения вопроса // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Петрозаводск, 2002.
- Жилина Т. И.* Верхнесыольский диалект коми языка. М., 1975.
- Жилина Т. И.* Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.
- КЭСК* — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Лыткин В. И.* Историческая морфология коми языка. Пермь; Сыктывкар, 1995.
- Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
- Матвеев А. К.* Собственно русская топонимия как источник сведений о древнем населении Севера европейской части России // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 33. С. 5—11.
- Некрасова Г. А.* Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
- Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М, 1963.
- Сорвачева В. А.* Некоторые фонетические и морфологические особенности верхне-вашского говора удорского диалекта // Лингвист. сб. Вып. 2. Сыктывкар, 1952.
- Сорвачева В. А., Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990.
- Туркин А. И.* Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики: Препринт ИЯЛ АН Эстонской ССР. Вып. 31. Таллин, 1985.
- Федюнева Г. В.* Местоимения 1-го и 2-го лица в пермских языках: исторические параллели // Науч. докл. Коми НЦ УрО РАН. Вып. 475. Сыктывкар, 2005.
- Федюнева Г. В.* Указательные местоимения и их производные в пермских языках. Сыктывкар, 2007.
- Хаузенберг А.-Р.* Рец. на кн.: Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Memoires de la Société Finno-ougrienne. 238. Helsinki, 2000. — 376 S. // Linguistica Uralica. 38, № 4. Tallinn, 2002.
- Хаузенберг А.-Р.* К проблеме ареальных инноваций в коми языке // Пермистика — 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001.
- Хаузенберг А.-Р.* Некоторые вопросы истории коми языка в свете теории контактов // В.И. Лыткин и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1999.
- Хаузенберг А.-Р.* О некоторых явлениях конвергентного развития и взаимовлияния языков // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979.
- Хямляйнен М. М.* Вепсский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.
- Bartens R.* Permiläisten kielten rakenne ja kehitys // Memoires de la Société Finno—ougrienne. 238. Helsinki, 2000.
- Hausenberg A.-R.* Die ostseefinnisch-permischen Kontaktwörter in Zeit und Raum // Eesti NSV Teaduste akademia: Preprint KKI-30. Tallinn, 1985.
- Hausenberg A.-R.* Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalaisia yhteispiirteitä // Congr. Octavus Internat Fenno-Ugristarum VIII. Jyväskylä, 1995. P. 4.
- Hausenberg A.-R.* Probleme der ostseefinnisch-permischen Sprachkontakte // Eesti NSV Teaduste akademia: Preprint KKI—23. Tallinn, 1983.
- UEW* — Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. B.I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Bd. 2. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Budapest, 1988.

Статья поступила в редакцию 04.10.2007 г.